

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА ОСНОВЕ КОРПУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ «МУЖЧИНА» / «МУЖЧЫНА» и «ЖЕНЩИНА» / «ЖАНЧЫНА»)

В статье на основе корпусных данных показаны отличия в отражении в белорусском и русском языках концептов «мужчина» / «мужчына» и «женщина» / «жанчына», имеющих в своей основе объективно существующее биологическое противопоставление полов, а в аспекте гендера представляющие собой социокультурные конструкты. Доказано, что корпусное моделирование представляется оптимальным при выявлении различий концептуализации объективно тождественных феноменов в близких культурах и, соответственно в близкородственных языках и/или разновидностях плюрицентрических языков.

Ключевые слова: гендерные различия, белорусский язык, русский язык, корпусное моделирование, концепты.

Во всех языках мира наименования людей по возрасту и полу принадлежат к самому древнему пласту лексики, отражая объективно существующие биологические различия между людьми. Тем не менее, изменения, происходящие в обществе, способствуют формированию социокультурных конструктов, объединяющих в себе культурные концепты и социокультурные модели [1]. Таким образом формируется социокультурный конструкт «гендер», находящий отражение в каждой лингвокультуре путем формирования «слов-концептов» (термин Н. Г. Брагиной) и вербализации как поведенческих моделей, так и моделей, репрезентирующих отношение общества к представителям определенного гендера.

Сложность структуры концепта отмечается многими исследователями (обзор различных точек зрения на сущность и структуру концепта см., например, в [2; 3]). Несмотря на то, что проблему структуризации концепта все еще нельзя считать решенной, можно согласиться с тем, «что большинство исследователей вычленяют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки» [2, с. 105]. Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин, исходя из своих исследований и исследований своих учеников, говорят о «трех базовых структурных компонентах (элементах) концепта – образе, информационном содержании и интерпретационном поле» [2, с. 106]: «чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального

предметного кода» [2, с. 106]; «информационное содержание концепта включает минимум когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления» [2, с. 109]; «интерпретационное поле концепта включает когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его» [2, с. 110]. Очевидно, что чувственный образ индивидуален, хотя и формируется под воздействием социального окружения; информационное содержание задается в значительной степени семантикой номем, находящей отражение в словарных толкованиях; соответственно, для выявления социокультурных конструкторов наибольший интерес представляют интерпретационные поля концептов, исследования которых требуют обращения к репрезентативному языковому материалу, т. е. к корпусам текстов.

Концепты «мужчина» и «женщина» репрезентированы в целевых для данной статьи языках многочисленными номинациями, среди которых могут быть выделены ядерные кластеры, включающие коннотативно не окрашенные наименования лиц женского и мужского пола, дифференцированные по возрасту.

Таблица 1 – Ядерные кластеры для белорусского языка

Женский пол	Мужской пол
Дзяўчынка	Хлопчык
Дзяўчына	Хлопец
Жанчына / Кабета	Мужчына
Старая	Стары

Лексемы *жанчына* и *кабета* могут рассматриваться как абсолютные синонимы. Так, например, они используются в произведениях разного времени создания, причем у одного и того же автора, например, у Э. Ожешко, Я. Коласа, И. Чегринца и др. Тем не менее, корпусные данные [4] показывают, что частота употребления в белорусскоязычных текстах словоформ лексемы *кабета* в 19,7 раза ниже частоты употребления словоформ лексемы *жанчына*.

Таблица 2 – Ядерные кластеры для русского языка

Женский пол	Мужской пол
Девочка	Мальчик
Девушка	Парень
Женщина	Мужчина
<i>Старуха</i>	<i>Старушка</i>
	Старик

Слова *старуха* и *старушка* имеют противоположную оценочную окраску. Таким образом, в русском языке нет нейтральной однословной номинации для обозначения женщины старшего поколения, в этой функции получило распространение словосочетание *пожилая женщина*, постепенно приобретающее статус составной лексемы, в отличие от словосочетания *пожилой мужчина*, такого статуса не имеющего. Это утверждение подтверждается данными, полученными путем соответствующих запросов к основному модулю Национального корпуса

русского языка (далее – НКРЯ) [5]: 892 документа 1232 вхождения для *пожилая женщина* и 334 документа 418 вхождений для *пожилой мужчина*. В отличие от других модулей НКРЯ, основной корпус и имеет, по сути, статус национального, т. к. он репрезентативен относительно генеральной совокупности языкового материала современного русского языка и включает тексты различных стилей и жанров, начиная с XVIII и заканчивая XXI веком. Отметим, что именно «большие корпуса» позволяют проводить «исследования устойчивости словосочетаний» и использовать «способы их количественной оценки в синхронии и диахронии» [6, с. 82].

В. А. Плунгян, один из инициаторов создания НКРЯ, отмечал, что «появление корпуса не просто дало в распоряжение лингвистов новый мощный инструмент анализа фактов языка – оно в определенной степени изменило теоретические приоритеты и отчасти даже взгляды на то, чем является язык и какие задачи изучения языка являются наиболее важными» [7, с. 7–8]. Наличие репрезентативных языковых ресурсов, таких как лингвистические корпуса, снабженные различными видами разметки, позволяющими искать языковые объекты и факты, обладающие определенными релевантными для цели конкретного исследования характеристиками, не только позволило получать объективно формируемый материал исследования, но и расширило сферы применения лингвостатистического инструментария (о возможностях корпусных лингвостатистических исследований см., например, [8]).

К сожалению, для белорусского языка такого ресурса пока не существует. Белорусский N-корпус [4], первый общедоступный корпус белорусского языка, хотя и включает тексты различных стилей и жанров на белорусском языке, все еще находится в стадии разработки и пока не отвечает требованию репрезентативности. К тому же, включенный в N-корпус языковой материал нельзя считать однородным с точки зрения аутентичности, т. к. в нем представлены тексты переводов на белорусский язык. Затрудняет использование N-корпуса в лингвистических исследованиях и наличие в нем текстов, в которых использованы различные правила белорусской орфографии. Тем не менее, N-корпус сегодня является наиболее представительным лингвистическим корпусом белорусского языка, находящимся в свободном доступе, поэтому наше исследование основано на его данных.

Рассмотрение представленных в таблицах выше ядерных кластеров показывает, что немаркированными по семантике лексемами по отношению к другим номинациям являются, с учетом ограниченности употребления лексемы *кабета*, номинации *жанчына* / *жэніцына* и *мужчына* / *мужчына*, которые можно рассматривать как слова-концепты и как номинации противопоставленных по гендеру социокультурных конструкторов.

Прежде всего, нас будут интересовать (1) оценочный компонент интерпретационного поля каждого концепта, в наибольшей степени отражающий отношение общества к представителям определенного гендера, а также (2) приписываемые мужчинам и женщинам модели поведения. Соответственно, целевыми для первого являются атрибутивные конструкции (будут взяты атрибутивные конструкции наиболее распространенного в белорусском и русском языках типа – A + S), а для второго – сочетания с личными формами глаголов.

При поиске сочетаний с белорусскоязычными целевыми лексемами была использована опция «кластар». Данная опция позволяет выявлять частотность определенных форм словосочетаний, не приведенных к леммам. Рассматривались кластеры с частотой встречаемости не менее 10. Таким образом, приведенные к лемме словосочетания имеют частоту встречаемости не менее общей частоты всех форм тождественного словосочетания.

Рассмотрение атрибутов и глаголов, номинирующих действия и состояния, приписываемые женщине в белорусскоязычных текстах, показало, что наиболее важной характеристикой является возраст – указывается конкретный возраст в сочетаниях типа *N-гадовая жанчына*, где *N* принимает конкретные значения (встречается 1784 раза), либо используются соответствующие по семантике прилагательные: *маладая* (встречается 1281 раз), *дарослая* (частота 25), *немаладая* (частота 50), *старэйшая* (частота 76), *сталая* (частота 149), *пажылая* (частота 476), *састарэлая* (частота 20), *старая* (частота 292). Как видим, маркированным представляется именно молодой возраст. Это подтверждается не столько различиями по частоте, сколько обилием номинаций немолодого возраста, а также достаточно частотным употреблением словосочетания *старая жанчына* при наличии однословной номинации *старая*. Актуализация молодости непосредственно связана с функцией деторождения, что подтверждается частотой использования атрибута *цяжарная* – 886 и атрибута *шматдзетная* – 42. Нейтральным, но важным признаком является факт замужества: *замужняя*. Этому атрибуту противопоставлены сразу несколько других, в определенной степени негативно окрашенных, характеристик: *незамужняя*, *пакінутая* и *адзінокая*.

Актуальным представляется признак *беларуская* (встречается 470 раз), отмечены также признаки *руская* (20), *хрысціянская* (17), *мусульманская* (11) и *савецкая* (13). Репрезентативная группа признаков связана с характеристиками внешности. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что в белорусской лингвокультуре женщина позиционируется как *прыгожая*, *прывабная*, *абаяльная*, *мілая*, *сімпа тычная*, *прыемная*, *сэксуальная*, *цудоўная*, *ідэальная*, независимо от роста и комплекции (*высокая* / *невысокая*, *маленькая*; *хударлявая*, *худзенькая* / *мажняя*, *поўная*). С точки зрения внутренних качеств, белорусская женщина предстает как *добрая*, *моцная*, *разумная*, *дзелава я*, *уплывова я*, *мужняя*, *паспяхова я*, *мудрая*, *інтэлігентная*, *актыўная*, *выдатная*, *смелая*, *сучасная*, *цікава я*, *адукава на я*, *таленавіта я*, *сапраўдная*. С точки зрения отношения к женщине, актуальными представляются атрибуты *каханая* и *любімая*, она также позиционируется как *шчаслівая*.

К сожалению, ряд атрибутов и глаголов позиционирует женщину как жертву: *пераналоханая*, *пацярпелая*, *параненая*, *загінулая*, *забітая*, *няшчасная*; *пацярпець*, *пакутаваць*, *загінуць*. Группа атрибутов, характеризующая женщину негативно, весьма немногочисленна и низкочастотна. Это такие атрибуты, как *нецвярозая* (частота 10) и *п'яная* (частота 16).

Как атрибуты, так и глаголы, номинирующие действия и состояния, приписываемые женщине в белорусскоязычных текстах, говорят о трудолюбии белорусской женщины (*працуючая*, *працоўная*, *стомленая*; *працаваць*, *кіраваць*), она постоянно находится в движении и является высококоммуникативной личностью (*звяртацца* / *звярнуцца*, *спытаць*, *запытаць*, *казаць*, *гаварыць* /

загаварыць, расказваць / расказаць, распавядаць / распавесці, прамовіць, паведаміць, успамінаць, адказаць, прызнацца, тлумачыць / патлумачыць, заўважаць / заўважыць, разважаць, заявіць, узгадваць, абурацца, скардзіцца, адзначаць / адзначыць, сцвярджаць, дзяліцца, крыкнуць, закрычаць, тэлефанаваць / патэлефанаваць, пісаць, напісаць и др.).

Рассмотрение атрибутов и глаголов, номинирующих действия и состояния, приписываемые мужчине в белорусскоязычных текстах, показало, что в этом случае также наиболее важной характеристикой (судя по частоте употребления, даже более важной, чем для женщины) является возраст – указывается конкретный возраст в сочетаниях типа *N-гадовы мужчына*, где N принимает конкретные значения (встречается 3054 раза). Также используются соответствующие по семантике прилагательные: *малады* (встречается 686 раз, примерно в 2 раза менее, чем для женщин), *дарослы* (частота 169 – более, чем в 6 раз превышает частоту аналогичного атрибута для женщин), *немалады* (частота 29), *старэйшы* (частота 21), *сталы* (частота 95) / *сталага веку*, *пажылы* (частота 225), *састарэлы* (частота 10), *стары* (частота 44) и отличительный для мужчин атрибут *сівы* (частота 23). Как видим, для мужчин, помимо молодого возраста, маркированным является также характеристика зрелости. В отличие от характеристик женщины, в паре атрибутов *жанаты* (частота 29) – *адзінокі* (частота 47) второй из признаков не несет оттенка негативного смысла.

Актуальным для мужчин является атрибут *беларускі* (встречается 211 раз), иных признаков по этнической либо религиозной принадлежности не отмечено. Закономерно не отмечен и атрибут *савецкі* по отношению к мужчине, поскольку в советское время были распространены идеологемы *советский человек* и *советская женщина*, но не *советский мужчина*. Гораздо менее репрезентативная группа признаков, по сравнению с женщиной, связана с характеристиками внешности мужчин. В белорусской лингвокультуре мужчина позиционируется как *высокі* (частота 67), *прыгожы* (частота 41), *моцны* (частота 37), *дужы* (частота 26), *плячысты* (частота 15); он может быть *барадатым*, *лысаватым*, *чарнявым*; *худым*, *хударлявым* / *мажным*.

И для женщины, и для мужчины важными являются атрибуты *здоровая* / *здоровы*. Мужчина тоже может быть *каханым*, но в 10 раз реже, чем женщина. Все характеристики внутреннего мира, так хорошо представленные для женщины, заменяет один атрибут *сапраўдны* (встречается 359 раз).

Ряд атрибутов и глаголов позиционирует мужчину как способного к насилию и противоправным действиям: *падазроны*, *узброены*; *напасці*, *трапіць*, *зваліцца*, *уварвацца*, *кінуцца*, *захапіць*, *адкрыць стральбу*, *прызнацца*. Значительно чаще, чем женщина, мужчина позиционируется как *нецвярозы* (в 8,5 раз) и *п'яны* (в 6,8 раз). Он также может быть *быць нецвярозым* (частота 19) / *быць п'яным* (частота 15).

В отличие от женщины, которой не предписывается обязательность каких-либо действий либо их невозможность, мужчина обязан *спраўляцца*, актуализирован глагол с частицей *не* – *не спраўляцца* (частота 23), он *павінен быць...* (частота 20) і, конечно же, *мужчыны не плачуць* (частота 19). Как для женщин, так и для мужчин актуальным является не только признак

«працавітасці», который вербализован различными способами, но и отсутствие «працы» – *непрацуючы* (частота 35) / *непрацуючая* (частота 14) и *беспрацоўны* (частота 24) / *беспрацоўная* (частота 23).

Таким образом, корпусное моделирование концептов **мужчына** / **жанчына** позволяет сделать вывод о том, что в белорусской лингвокультуре сохраняются традиционные гендерные роли, ценится белорусскость и трудолюбие, но все еще актуальной является тема домашнего насилия и пьянства.

Для моделирования концептов **мужчина** / **женщина**, как уже указывалось ранее, были привлечены данные из НКРЯ. К сожалению, опция N-грамм, аналогичная опции «кластар», но без указания частоты встречаемости, в новой версии НКРЯ работает плохо, поэтому был осуществлен лексико-грамматический поиск с использованием возможностей морфологической разметки и, в связи с многочисленностью контекстов, рассматривались результаты трех последующих экранов, представляющих результаты в формате KWIC.

Исходя из проанализированных корпусных данных, в русской лингвокультуре женщина позиционируется как *настоящая, добрая, умная, мудрая, интеллигентная, удивительная, достойная, деловая, привлекательная, красивая, прекрасная, милейшая, любимая, чувственная, гибкая* и т. п. Актуальными являются факторы возраста (*N-летняя, молодая, немолодая, пожилая* и др.), замужества (*замужняя*) / одиночества (*одинокая*), беременности (*беременная*) / бездетности (*бездетная*), этнической / региональной принадлежности (*русская, немецкая / восточная, египетская* и пр.). Женщина также может быть *падшей, фригидной, некрасивой, несчастливой*. Она *работает, меняется ролями с мужчиной, становится добытчицей, тянет своих детей, вынуждена мириться с..., жертвовать ради (кого-то / чего-то), уступает, страдает и дает выход своим эмоциям*.

Мужчина позиционируется как *настоящий, крутой, умный, хозяйственный, импозантный, галантный, обаятельный, мужественный, выносливый, высокий, щупловатый, здоровый*. Актуален фактор возраста: *N-летний, молодой, взрослый, старый*. Мужчина также может быть *любимым и единственным* и сам *может любить*. Он *работает, решает, требует, возмущается, совершает подвиг, может быть вооруженным, орудовать ножом*, но одновременно *испытывает стресс, теряется при виде*, а также имеет вредные привычки: *курит / хватается за сигарету*. Наконец, «*мужчины вырождаются, нет уже и джентльменов*».

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в русской лингвокультуре наблюдается тенденция отхода от традиционных гендерных ролей; очевидны совпадения / несовпадения интерпретационных полей концептов в двух близких лингвокультурах. Поскольку НКРЯ и N-корпус отличаются не только репрезентативностью и объемом языкового материала, но и возможностями поиска, то, несмотря на то, что были использованы оптимальные, с точки зрения задач исследования, опции, глубокое межъязыковое сопоставление не представляется возможным. Тем не менее, очевидно, что корпусное моделирование является оптимальным при выявлении различий концептуализации объективно тождественных феноменов в близких культурах и, соответственно, в близкородственных языках и/или разновидностях плюрицентрических языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина, Н. Г. Социокультурные конструкты в языке: [Электронный ресурс]: монография. – 2-е изд., испр. и доп. / Н. Г. Брагина. – М. : ФЛИНТА, 2013 – 387 с.
2. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика : учебное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
3. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта : [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Ю. Е. Прохоров. – 3-е изд., стереотип. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 176 с.
4. Белорусский N-Корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bnkorporus.info/korporus.html>. – Дата доступа: 03.11.2020.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 03.11.2020.
6. Захаров, В. П. Лингвистика больших корпусов / В. П. Захаров // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии: Сборник научных статей. Труды XVIII Объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2015), Санкт-Петербург, 23-25 июня 2015 г. – СПб. : НИУ ИТМО. – С. 82–93.
7. Плунгян, В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В. А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 7–20.
8. Egbert, J. Doing Linguistics with a Corpus / J. Egbert, T. Larsson, D. Biber / Cambridge Elements. Elements in Corpus Linguistics / ed. by S. Hunston. – Cambridge : Cambridge University Press, 2020. – 88 p.

The article considers the differences in the reflection by Belarusian and Russian languages of the concepts "man" and "woman" – the concepts, which being based on an objectively existing biological opposition of the sexes are in the aspect of gender the socio-cultural constructs. It is proved that corpus modeling is optimal when identifying differences in the conceptualization of objectively identical phenomena in close cultures and, accordingly, in closely related languages and / or varieties of pluricentric languages.

Keywords: gender differences, Belarusian language, Russian language, corpus modeling, concepts.